

Любимые поэты

ДАВИД САМОЙЛОВ

Ты моей никогда
не будешь

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С17

Дизайн серии *Анны Якуниной*

Давид Самойлов.

С17 Ты моей никогда не будешь / Давид Самойлов. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 224 с. — (Любимые поэты).

ISBN 978-5-17-156614-2

Давид Самойлов — один из ярчайших русских поэтов второй половины XX века.

Двадцатилетним юношей он ушел на войну добровольцем, прошел весь тяжелый солдатский путь от Вязьмы до Берлина, а после Победы поступил в Литинститут и посвятил всю дальнейшую жизнь творчеству.

Самойлов — автор таких знаменитых стихотворений, как «Сороковые», «Я — маленький, горло в ангине», «Королева Анна», «Болдинская осень», «Дуэт для скрипки и альты», сборников «Второй перевал», «Голоса за холмами», «Весть» и других. Его стихи звучат в кино и со сцены, их читают знаменитые актеры, их поют под гитару у костра, цитируют в беседах, часто не помня автора с детства знакомых строк.

Поэзия Давида Самойлова отличается проникновенным лиризмом, тонким психологизмом, философской глубиной, замечательной иронией и юмором. Круг тем обширен — война, любовь, Родина, история, мужчина и женщина, жизнь человеческая во всем ее многообразии. Его язык — образный, яркий, емкий, пластичный, в то же время простой и ясный, близкий и понятный любому читателю. На страницах его сборников «проклятые вопросы», размышления о смысле жизни соседствуют с шутками, ироничными, изящными эссе, нежными лирическими напевами.

Именно эта многогранность поэзии Давида Самойлова и позволила ему стать одним из самых известных и любимых наших поэтов.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-156614-2

© Самойлов Д. С., наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Свободный стих

Я рос соответственно времени.
В детстве был ребенком.
В юности юношей.
В зрелости зрелым.

Поэтому в тридцатые годы
я любил тридцатые годы,
в сороковые
любил сороковые.

А когда по естественному закону
время стало означать
схождение под склон,
я его не возненавидел,
а стал понимать.

В шестидесятые годы
я понимал шестидесятые годы.
И теперь понимаю,
что происходит
и что произойдет
из того, что происходит.

И знаю, что будет со мной,
когда придет не мое время.
И не страшусь.

* * *

И.К.

Мы не меняемся совсем.
Мы те же, что и в детстве раннем.
Мы лишь живем. И только тем
Кору грубеющую раним.

Живем взахлеб, живем вовсю,
Не зная, где поставим точку.
И все хоронимся в свою
Ветшающую оболочку.

Из детства

Из детства

Я маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Собирается вещей Олег...».

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке души,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

Выезд

Помню — папа еще молодой,
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик лихой, завитой,
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве — допотопный трамвай,
Где прицепом — старинная конка.
А над Екатерининским — грай.
Все впечаталось в память ребенка.

Помню — мама еще молода,
Улыбается нашим соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то зачем-то мы едем...

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом — купола, купола.
И мы едем, все едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде,
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода.
Конь горяч, и пролетка крылата.
И мы едем незнамо куда —
Все мы едем и едем куда-то.

Цирк

Отцы поднимают младенцев,
Сажая в моторный вагон,
Везут на передних сиденьях
Куда-нибудь в цирк иль кино.
И дети солидно и важно
В трамвайное смотрят окно.
А в цирке широкие двери,
Арена, огни, галуны,
И прыгают люди, как звери,
А звери, как люди, умны.
Там слон понимает по-русски,
Дворняга поет по-людски.
И клоун без всякой закуски
Глодает чужие платки.
Обиженный кем-то коверный
Несет остроумную чушь.
И вдруг капельмейстер проворный
Оркестру командует туш.
И тут верховые наяды
Слетают с седла на песок.
И золотом блещут наряды,
И купол, как небо, высок.
А детям не кажется странным
Явление этих чудес.
Они не смеются над пьяным,
Который под купол полез.
Не могут они оторваться
От этой высокой красоты.
И только отцы веселятся
В серьезные эти часы.

Карусель

Артельщик с бородкой
Взмахнул рукавом.
И – конь за пролеткой,
Пролетка за конем!
И – тумба! И цымба!
И трубы – туру!
И вольные нимбы
Берез на ветру.
Грохочут тарелки,
Гремит барабан,
Играет в горелки
Цветной балаган.
Он – звонкий и легкий
Пошел ходуном.
И конь за пролеткой,
Пролетка за конем.
То красный, как птица,
То желтый, как лис.
Четыре копытца
Наклонно взвились.
Летит за молодой
Платочек вьюном.
И – конь за пролеткой,
Пролетка за конем!..
Сильнее на ворот
Плечом поднажать,

Раскрутишь весь город,
Потом не сдержать.
За городом роща,
За рощею дол.
Пойдут раздуваться,
Как пестрый подол.
Артельщик хохочет —
Ему нипочем:
Взял город за ворот
И сдвинул плечом.

Двор моего детства

Еще я помню уличных гимнастов,
Шарманщиков, медведей и цыган,
И помню развеселый балаган
Петрушек голосистых и носатых.
У нас был двор квадратный. А над ним
Висело небо — в тучах или звездах.
В сарае у матрасника на козлах
Вились пружины, как железный дым.
Ириски продавали нам с лотка.
И жизнь была приятна и сладка...
И в той Москве, которой нет почти
И от которой лишь осталось чувство,
Про бедность и величие искусства
Я узнавал, наверно, лет с пяти.
Я б вас позвал с собой в мой старый дом.
(Шарманщики, петрушка — что за чудо!)
Но как припомню долгий путь оттуда —
Не надо! Нет!.. Уж лучше не пойдём!..

**Если вычеркнуть
войну**